

Назаров Иван Александрович

СИСТЕМА "ПСИХИЧЕСКОГО ОТРАВЛЕНИЯ": О МОТИВЕ ДОВЕДЕНИЯ ДО БЕЗУМИЯ В РОМАНЕ А. Р. БЕЛЯЕВА "ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ"

Статья посвящена одному из мотивов творчества Александра Романовича Беляева - мотиву безумия. В статье рассматривается своеобразие интерпретации темы безумия в советской литературе 1920-1930-х гг. на примере романа А. Р. Беляева "Голова профессора Доуэля": особенности образа безумца и образа сумасшедшего дома, мотивов аттестации и симуляции душевной болезни, социально-философская проблема определения границы между нормой и безумием. Особое внимание в статье уделяется мотиву доведения до сумасшествия как комплексу разностороннего (аудиального и визуального) воздействия на ментальное здоровье героев, получившего в романе название "психического отравления".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/3-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 1. С. 37-39. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Статья посвящена одному из мотивов творчества Александра Романовича Беляева – мотиву безумия. В статье рассматривается своеобразие интерпретации темы безумия в советской литературе 1920-1930-х гг. на примере романа А. Р. Беляева «Голова профессора Доуэля»: особенности образа безумца и образа сумасшедшего дома, мотивов аттестации и симуляции душевной болезни, социально-философская проблема определения границы между нормой и безумием. Особое внимание в статье уделяется мотиву доведения до сумасшествия как комплексу разностороннего (аудиального и визуального) воздействия на ментальное здоровье героев, получившего в романе название «психического отравления».

Ключевые слова и фразы: А. Р. Беляев; феномен безумия; образ безумца; образ сумасшедшего дома; доведение до сумасшествия; мотив изоляции.

Назаров Иван Александрович, к. филол. н.

Музей М. А. Булгакова, г. Москва

nazarov.postbox@gmail.com

СИСТЕМА «ПСИХИЧЕСКОГО ОТРАВЛЕНИЯ»: О МОТИВЕ ДОВЕДЕНИЯ ДО БЕЗУМИЯ В РОМАНЕ А. Р. БЕЛЯЕВА «ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ»

В отечественной литературе 1920-1930-х годов особое значение приобретает феномен безумия и его многочисленные аспекты. Писателей различных направлений (М. А. Булгаков, Ф. В. Гладков, А. П. Платонов, В. Я. Шишков и другие) интересовали социально-философская интерпретация проблемы границ между безумием и нормой, развитие соответствующего сюжетно-мотивного комплекса – многогранный образ безумца, сюжеты о побеге героя из сумасшедшего дома и побеге от социума в психиатрическую лечебницу, мотивы аттестации и симуляции безумия, образ психиатра, мотив лечения душевной болезни и другие. В творчестве писателя-фантаста Александра Романовича Беляева художественное воплощение феномена безумия представлено достаточно широко – его аспекты прослеживаются в произведениях «Последний человек из Атлантиды» (1925), «Остров погибших кораблей» (1926), «Властелин мира» (1928), «Светопреставление» (1929) и других. В данной статье мы уделим внимание репрезентации темы безумия в романе А. Р. Беляева «Голова профессора Доуэля» (1925).

По сюжету романа, Мари Лоран в наказание за общение с профессором Доуэлем была отправлена хирургом Керном в частную психиатрическую лечебницу доктора Равино. В данном контексте в произведении актуализируются несколько мотивов: объявление персонажа безумцем, а также ситуация принудительной изоляции героя – помещение «не-безумца» в сумасшедший дом. Образ психиатрической лечебницы при этом соотносится с образом тюрьмы. Анализируя социальный механизм западноевропейской практики изоляции, М. Фуко отмечал, что уже в XVII веке «изоляция обретает свой исчерпывающий смысл в той смутной конечной цели общества, во имя которой социальной группа изгоняет из себя чуждые и враждебные ей элементы. Таким образом, изоляция предстает как стихийное изгнание “асоциальных” элементов» [4, с. 98]. Отметим, что на положении заключенных в клинике Равино оказываются не только пациенты, но и часть персонала. Строгие порядки, принятые в заведении, принуждают нескольких служащих к побегу – таким образом, популярный в художественной литературе сюжет о побеге из сумасшедшего дома меняет акцент: из клиники пытаются сбежать не только пациенты, но и персонал.

Клиника доктора Равино специализируется не на лечении душевнобольных, но на доведении здоровых людей до потери рассудка или самоубийства – иными словами, обитателя лечебницы ожидает либо смерть тела, либо смерть разума. В данном контексте образ лечебницы обретает определенную «изнаночность» – комплекс процедур, используемый главным врачом для достижения цели, получает в романе определение «сложная система “психического отравления”» [1, с. 285]. Истинная деятельность клиники подчеркивается в тексте романа через избытие закавыченных терминов: «сумасшедшие», «тяжелый случай в практике», «лечебница», «обработка психики», – используемых в переносном значении. Отметим, что мотив доведения до сумасшествия в художественной литературе представлен реже, чем другие мотивы, сопряженные с исследуемой темой, и прослеживается в творчестве различных авторов: находясь в стенах лечебницы, рассудок утрачивают герои произведений Н. С. Лескова («Житие одной бабы» (1863), «Расточитель» (1867)), К. Кизи («Пролетая над гнездом кукушки» (1962)), Э. Берджесса («Заводной апельсин» (1962)) и других писателей. На наш взгляд, допустимо предположение, что в художественной литературе XX века этот мотив встречается чаще (чем в литературе XIX века) по причине актуализации проблемы так называемой «карательной психиатрии» (использование психиатрии в политических целях).

Система психического отравления представлена в романе А. Р. Беляева как на уровне фактической констатации (результат работы «системы» – настоящих душевнобольных в клинике 10% от общего числа пациентов), так и на уровне процесса: в произведении представлены целенаправленные попытки довести до безумия Мари Лоран и Артура Доуэля. Система Равино представляет собой комплекс разностороннего воздействия на ментальное здоровье обитателей лечебницы (преимущественно – визуального и аудиального характера). Внутреннее обустройство больницы и примыкающая к ней территория лишь формально выглядят

устроенными для лечения пациентов, однако используются в рамках главной цели Равино: так, пространство сумасшедшего дома изобилует оттенками серого цвета (стены, кровати, халаты пациентов, скамейки), изобилие которого способствует утверждению среди пациентов меланхолии; прилегающий к клинике парк напоминает кладбище и наводит обитателей на мысли о смерти.

В больничном саду Мари Лоран знакомится с другими пациентами. В одной из сцен автор обращается к проблеме аттестации психической болезни. А. Р. Беляев акцентирует внимание на взгляде безумца – значимой детали образа героя-сумасшедшего. Подчеркивается, что пациенты клиники, сохранившие способность мыслить, еще могут воспринимать окружающий мир, в то время как герои, ставшие душевнобольными, обладают «невидящими глазами» и способны смотреть только внутрь себя. Пациентов клиники представляется возможным разделить на две условные группы: настоящие безумцы – те, кто не обращает на себя пристального внимания санитаров, и те, кто вынужден имитировать психическую болезнь, чтобы не стать жертвой «процедур». Мотив симуляции безумия в романе переплетается с мотивом театральности: психически здоровые люди представляются Наполеоном Бонапартом, пользуются в речи бредовыми конструкциями (в тексте, таким образом, прослеживается, по определению В. П. Руднева, бредовая языковая игра [3, с. 51]), имитируют припадки ярости. В сложившейся ситуации внешнего надзора глаза остаются способом убеждения собеседника в своей нормальности (пациенты подмигивают друг другу, играют глазами и т.д.).

Изображение атмосферы психиатрической лечебницы в романе А. Р. Беляева соответствует одной из сложившихся в отечественной литературе традиций (Н. К. Карамзин, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, В. М. Гаршин и другие – подробнее об этом в статье С. Г. Бочарова [2]), согласно которой образ сумасшедшего дома обладает ярко отрицательной коннотацией. В коридоре лечебницы Лоран слышит из-за закрытых дверей вой пациентов, их безумный смех и истерические крики – неслучайно происходящее героиня сравнивает со зверинцем, что также восходит к одной из литературных традиций: при изображении психического расстройства автор подчеркивает зооморфность образа безумца (физическая сила, жестикация, звукоподражание).

Воздействие на Мари Лоран происходит с нескольких сторон: ментальное здоровье героини расшатывается посредством угнетающей атмосферы сумасшедшего дома, специальных изобретений главврача, а также личных бесед с доктором Равино. Так, в комнате героини постоянно горит яркая лампа – по словам врачей, такое освещение «помогает» преодолеть бессонницу. Помимо столкновения с душевнобольными, Лоран ощущает на себе воздействие необъяснимого явления – по ночам она слышит минорную музыку, исполняемую на скрипке и виолончели, а также чье-то пение. Характерно, что героиню пугает не сама композиция, но ее искусственность, постоянное механическое повторение. Впоследствии оказывается, что ночная музыка – один из способов Равино деструктивного воздействия на психику пациентов. Воспроизводя музыкальную запись на разной частоте, главврач пытается пошатнуть уверенность пациента в самообладании и вызвать сомнение в своем здоровье: герой не может определить, является музыка действительной или звучит в его больном воображении. Впоследствии с помощью светозвуковых эффектов Равино воздействует и на психику Артура Доуэля.

Главным приемом доведения Лоран до сумасшествия становится регулярное общение с главврачом. В образе главврача в данном контексте обнаруживается театральное начало. Во время беседы герой прибегает к софизмам и провокациям, уделяет внимание как темам разговора, так и своей манере общения (которая варьируется от «подкупающей искренности» до «циничной откровенности»), не скрывая от героини своей цели и стремясь морально подавить собеседника. Особо отметим, что Равино соотносит человеческую душу с механизмом, повредить который не составляет сложности – упоминание о поврежденной душе-механизме прослеживается в очерке И. К. Быковского «Сто дней в сумасшедшем доме» (1903), повести Г. П. Белорезского «В сумасшедшем доме» (1903), рассказе И. С. Шмелева «Это было» (1922) и других произведениях. В романе акцентируется внимание на параллелях между психиатрической клиникой и inferнальным пространством – так, в тексте произведения обнаруживаются отсылки к «Комедии» Данте («Оставь всякую надежду входящий сюда, как сказал господин Данте» [1, с. 288]), а Мари Лоран называет главврача «современным Мефистофелем» и «демоном», что актуализирует известный в художественной литературе сюжет о пребывании дьявола в психиатрической лечебнице. В различной форме этот мотив представлен в романах Ч. Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец» (1820), Г. Честертон «Шар и крест» (1909), Л. Н. Андреева «Дневник сатаны» (1919), в одной из редакций романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» («Великий канцлер»), частично (на уровне метафоры) прослеживается и в романе М. Алданова «Истоки» (1950) и в других произведениях.

Таким образом, значимое место в романе А. Р. Беляева «Голова профессора Доуэля» занимает пространство сумасшедшего дома: автор акцентирует внимание на мотивах изоляции (помещение «не-безумца» в психиатрическую лечебницу), аттестации и симуляции безумия, побега из сумасшедшего дома, а также на различных аспектах доведения героя до утраты рассудка, получивших в произведении название «системы психического отравления».

Список литературы

1. **Беляев А. Р.** Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Молодая гвардия, 1963. Т. 1. Остров погибших кораблей; Голова профессора Доуэля. 336 с.
2. **Бочаров С. Г.** Петербургское безумие // Пушкинский сборник / сост. И. Лошилов, И. Сурат. М.: Три квадрата, 2005. С. 305-327.
3. **Руднев В. П.** Энциклопедический словарь безумия. М.: Гнозис, 2013. 560 с.
4. **Фуко М.** История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И. К. Стаф. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2010. 698 с.

**“PSYCHIC POISONING” SYSTEM: ON “DRIVING TO MADNESS” MOTIVE
IN THE NOVEL BY A. R. BELYAEV “PROFESSOR DOWELL’S HEAD”**

Nazarov Ivan Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
M. A. Bulgakov Museum, Moscow
nazarov.postbox@gmail.com

The article analyzes one of the motives of Alexander Romanovich Belyaev’s creative work – the motive of madness. The author considers the original interpretation of madness theme in the Soviet literature of the 1920-1930s by the example of the novel by A. R. Belyaev “Professor Dowell’s Head”: specificity of madman and madhouse image, motives of verification and simulation of mental illness, social-philosophical problem of establishing the border between sanity and madness. The special attention is paid to the motive of “driving to madness” as a complex (audial and visual) influence on characters’ mental health called “psychic poisoning”.

Key words and phrases: A. R. Belyaev; phenomenon of madness; madman image; madhouse image; driving to madness; isolation motive.

УДК 8; 821.161.1

Статья посвящена художественно-автобиографическому отрывку Н. Н. Страхова «Поездка на Кавказ», по идейно-тематическому содержанию близкому к произведениям о Кавказе русской классической литературы 1830-1840-х гг. Написание «Поездки» относится к раннему этапу творческой биографии Н. Н. Страхова, который до сих пор остается малоизученным. Также «Поездка» сопоставляется с реалистическими произведениями 1850-х гг., а именно с Военными рассказами Л. Н. Толстого.

Ключевые слова и фразы: русская литература XIX в.; Н. Н. Страхов; М. Ю. Лермонтов; Л. Н. Толстой; Кавказ; романтизм; реализм.

Сорокина Дарья Дмитриевна

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва
Daria312@yandex.ru

**«ПОЕЗДКА НА КАВКАЗ» (1859) Н. Н. СТРАХОВА
КАК ОТРАЖЕНИЕ ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ ОТ РОМАНТИЗМА К РЕАЛИЗМУ**

В сентябре 1859 г. после небольшого путешествия по Кавказу Н. Н. Страхов в письме к старшему брату Петру Николаевичу делился впечатлениями от недавней поездки и высказывал неопределенное намерение «что-нибудь напечатать» о своем путешествии: «Не стану тебе рассказывать о путешествии, – может быть я что-нибудь напечатая; но скажу только, что оно совершилось благополучнейшим образом; я видел места, которые стоило повидать и которых никогда не забуду. Горы, Тифлис, Пятигорск и пр. так хороши, что лучше не надо. Время прошло очень весело; я был все время здоров, только слегка болели у меня глаза. В Петербург я вернулся освеженный и ободренный» (письмо от 17 сентября 1859 г.) [2].

«Поездка на Кавказ» (художественно-автобиографическое произведение, начатое Страховым в середине 1859 г., но так и оставшееся незавершенным) обозначила рубеж двух периодов в творческой биографии будущего критика. 1859 г. наметил в творческой судьбе Страхова прямой переход от писательских опытов к литературно-критической и публицистической деятельности.

Рукопись «Поездки», датированная автором 1859 г., хранится в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского в Киеве (ИР НБУ). Она представляет собой две начальные главы произведения, которое, по всей видимости, начинающий литератор задумывал написать в жанре путешествия.

Следует особо отметить, что, работая над «Поездкой», Страхов сознательно ориентировался на литературные традиции сентиментализма и переходной эпохи от романтизма к реализму. Это, в частности, подтверждается обращением Страхова к двум значимым произведениям разных эпох русской литературы – «Письмам русского путешественника» Н. М. Карамзина и «Герою нашего времени» М. Ю. Лермонтова в качестве образцов при создании собственного сочинения. Это позволяет говорить о попытке объединения в одном произведении двух важных тем русской литературы: темы путешествия и темы Кавказа.

Тема Кавказа была чрезвычайно популярна в русской литературе в 20-х – 50-х гг. XIX в. Интерес Страхова к этой теме был во многом обусловлен тенденциями, которые наблюдались в русской литературе в середине столетия.

Начало кавказской теме положил А.С. Пушкин своей первой южной поэмой «Кавказский пленник», опубликованной в 1822 г.

Кавказ был вписан Пушкиным в структуру романтического мировосприятия как некий образ, нерасторжимо соединяющий в себе географические черты (манящий своей загадочностью дикий, неизведанный и вольный край) с тематикой и проблематикой новых по содержанию произведений.